Англия
Шекспировский театр

19/V 58

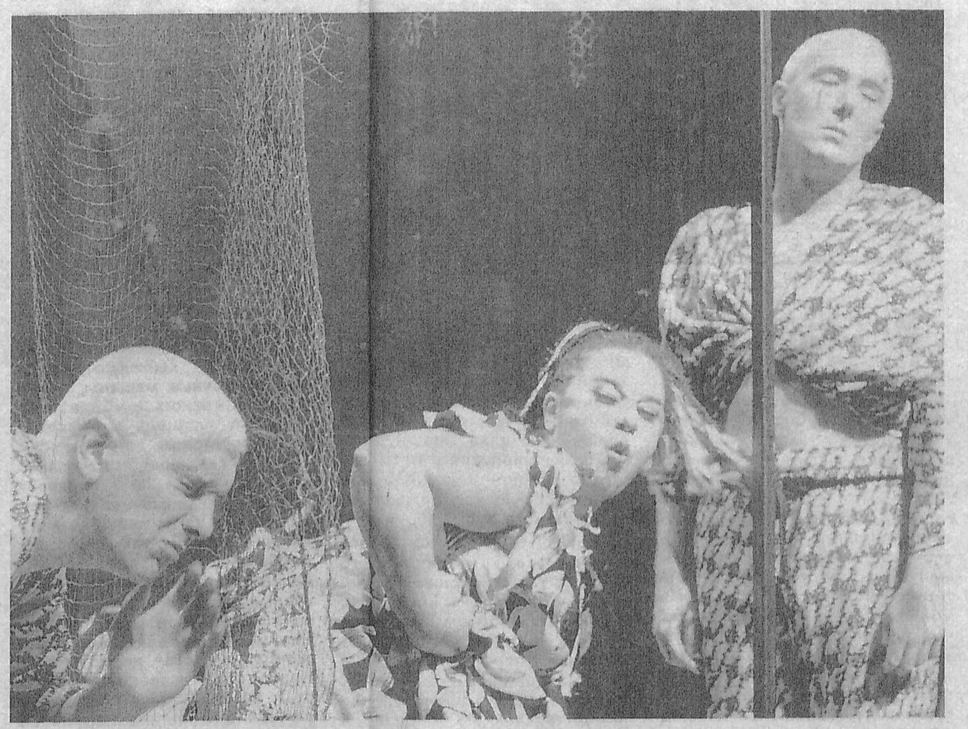
ПРИВЕТ

Минут через десять после того, как на сцене Московского театра им. Вл. Маяковского актеры Английского Шекспировского театра начали играть «Комедию ошибок» Шекспира, в зрительном зале случился неприятный, хотя и совершенно незначительный инцидент. На бельэтаже возник скандал вполне традиционного свойства. Опоздавший зритель грозно требовал освободить его законное место, а тот, кто это место занял, отругивался — надо, дескать, приходить вовремя, и вообще вход в зрительный зал после третьего звонка запрещен. С официального «вы» собеседники уже переходили на интимное «ты» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нам не дано знать, отчего опоздал опоздавший и что привело его на грань нервной горячки. Быть может, его автобус задержался, и человек битый час ехал, стиснутый со всех сторон товарищами по несчастью, и все равно не успел к началу. Может быть, подойдя к театру в положенное время, он увидел толпу возле кондитерской на Герцена, где иногда еще что-то «выбрасывают», и кинулся занимать очередь, надеясь приобрести сладостный раритет до начала спектакля, однако торты кончились, а представление началось. Не станем гадать о причинах — мало ли что может настроить москвичей и гостей столицы на мизантропический лад. Наш безвестный зритель искал случая сорвать злость и нашел его.

Немногих в зале могла удивить эта вспышка ненависти из-за пустяка, эта готовность без промедления вцепиться соседу в глотку. Привыкшая ко всякому публика внимала склоке без особого интереса.

На сцене к тому времени появился актер Джон Элмз в роли Антифола Сиракузского. Конечно, он услышал шум на бельэтаже. Он мог сделать вид, будто ничего не заметил, и играть дальше. Актер поступил иначе. Он замер на месте, уставившись туда, где раздавались визгливые голоса диспутантов, и на лице его изобразилась смесь опасливого любопытства и веселого недоумения. При этом Джон Элмз вовсе не выходил из образа — в конце концов шекспировский герой только что прибыл в загадочный Эфес, где все для него ново и странно.

Повинуясь актеру, публика на мгновение взглянула на себя чужими глазами, увидела себя со стороны — да, себя, ибо несчастные скандалисты не с луны свалились и не из Сиракуз приехали,— увидела и отозвалась взрывом какого-то облегченного, освобождающего смеха. Теоретики сказали бы, что тут сработал механизм комедийного остранения. С этого момента и до самого конца спектакля между залом и сценой установился



тот динамический и дружественно-фамильярный контакт, без которого невозможно представление шекспировской комедии.

Этому контакту помогало — пусть это не прозвучит парадоксом — отсутствие синхронного перевода. Призванный разрушать языковую преграду между зрителями и зарубежными спектаклями, он очень часто воздвигает между ними новые препятствия. Синхронный перевод, осуществленный к тому же на жалком уровне нашей техники, разлучает нас со звуковым миром спектакля, голосами актеров, обрекая нас на своего рода глухоту. На представлениях Английского Шекспировского театра зрители — и те, кто знает английский, и те, кто его не знает (они могли получить листки с изложением сюжета, что позволило им понимать смысл каждой сцены), испытали чувство людей, которым возвратили слух. Московская публика услышала наконец шекспировское слово, прекрасно звучавшее в устах английских актеров, даже когда они выпаливали текст комедии со скоростью пулеметной очереди, как оно и пристало исполнителям этой пьесы, не только самой короткой, но и самой стремительной среди шекспировских комедий.

Прилежный ученик древних авторов, юный Шекспир решился превзойти учителей, переплавтить Плавта, чья пьеса «Менехмы» послужила источником «Комедии ошибок». У римского мастера — два близнеца, которых все путают, у Шекспира их две пары, да еще отец одной из пар Эгеон, да их мать Эмилия, потерявшие друг друга много лет назад,—все они неведомым образом оказываются в Эфесе. Головокружительная череда совпадений и путаниц (выстроенная, заметим, с математической последовательностью) преображает плавтовское бытописание в причудливую сказку. Все возможно в волшебном Эфесе.

Чтобы передать дух гротесковой сказки, режиссер Глен Уолфорд и художник Родни Форд перенесли действие комедии на экзотический Восток, некий Восток вообще. Экзотика, разумеется, густо приправлена пародией. Вполне европейский доктор Пинч при этом превращается в забавную смесь шамана с дервишем, лирическая героиня Люциана — точь-в-точь Нефертити, греческая гетера соблазняет клиентов восточным танцем живота (роль гетеры играет мужчина, о чем большинство зрителей не догадывается: имя искусника—Бен Эллисон). Тучный герцог Солин в пестром халате с золоченой цепью на обнаженной груди — эту роль играет чернокожий актер Маркус Хит — напоминает какого-то современного африканского деспота с жутковатыми гастрономическими наклонностями; когда он вначале грозит страдальцу Эгеону плахой, возникает подозрение— не прикажет ли он после казни подать несчастную жертву эфесских законов себе на стол в хорошо прожаренном виде. Впрочем, потом все опасения проходят. Солин обнаруживает добродушие и покладистость, и все в конце концов складывается до смешного благополучно.

Актерам, как нетрудно догадаться, заранее известно, сколь счастливым будет финал, и они не скрывают этого от зрителей, призывая нас не воспринимать слишком всерьез все волнения и страхи персонажей. Они ни на миг не забывают, что «Комедия ошибок» — уморительно смешная пьеса, и очень хотят убедить публику, что Шекспир вовсе не такой безнадежный зануда, как полагают некоторые английские школьники. Время от времени, надо признаться, актеры делают это слишком настойчиво. В комизме этой пьесы молодого Шекспира несколько больше тонкого и человечески трогательного, чем может показаться зрителям английского спектакля. Вот почему светловолосый увалень Дромио Сиракузский (Стивен Джеймсон), сохраняющий детское простодушие и британскую невозмутимость в самых невероятных обстоятельствах, остается в памяти как самая живая и неотразимо смешная фигура в спектакле. Я бы ни за что не спутал Дромио Сиракузского ни с кем другим на сцене, включая его близнеца Дромио Эфесского.

Да, почтенный читатель, «Комедия ошибок» в постановке Английского Шекспировского театра—отнюдь не вершина современного сценического искусства. Отчего же московская публика, пресыщенная визитами театральных знаменитостей Запада, не слишком сегодня увлеченная театром вообще, кажется, несколько остывшая к эстетическим переживаниям, вдруг с таким энтузиазмом приняла спектакль не самой прославленной из западных трупп? Не оттого ли, что искусство молодых актеров было полно веселой энергии, душевного покоя, доброжелательной открытости миру? У английского спектакля— нормальная человеческая температура: 36,6. Это тотчас же почувствовали собравшиеся в зрительном зале люди, которых то и дело треплет лихорадка политических драм и житейских трудностей. На английской «Комедии ошибок» они отдыхали душой и смеялись счастливым смехом!

Шекспир, помоги нам.

А. БАРТОШЕВИЧ.

ИЗ ГОРОДА ЭФЕСА

● *Сцена из спектакля. Дромио Эфесский — Чарлз Дэйл, Нелл — Никола Блэкмен, Дромио Сиракузский — Стивен Джеймсон.*